

Послесловие к публикации писем

Т. Горичевой

Татьяна Горичева, чьи письма опубликованы в этом номере журнала, — один из самых ярких представителей т.н. "русского религиозного ренессанса" 70-х годов. Профессиональный философ, публицист, эссеист, руководитель философско-религиозного семинара, член редакции журнала "37", в эти годы она была одним из наиболее активных деятелей религиозной и культурной жизни Ленинграда.

Именно ей благодаря ей окончательно оформилось христианское движение молодой ленинградской интеллигенции, которое уже сейчас многими воспринимается как важный этап в духовной истории России.

Горичева — человек необычайной энергии и работоспособности. Она поддерживала постоянные дружеские и творческие контакты с очень многими деятелями неофициальной культуры, выступала с докладами на различных конференциях, участвовала почти во всех гуманитарных и общественных начинаниях творческой интеллигенции, требовавших иногда большого гражданского мужества.

Подчас, правда, эта открытость любой новой идее, любому проявлению социальной активности, оборачивалась для Горичевой включением в достаточно чуждые ей предприятия. Так, по-видимому, было в случае с "христианско-феминистическим" движением, с которым Горичева, впрочем, порвала еще до его распада.

В 1990 году Т. Горичева вынуждена была покинуть родину. И, конечно, особый интерес у нас, оставшихся, вызывает то, как осмысляет она свой путь в перспективе европейского опыта. Это помогает нам по-новому воспринять наше прошлое и включить сегодняшнюю жизнь в более широкий культурный и исторический контекст.

Письма эти дают очень большой и интересный материал для размышлений, который не может быть охвачен в одной небольшой заметке. В них разворачивается сложная картина жи-

тебских, нравственных, или интеллектуальных "окитаний", столь характерных для российского эмигранта-интеллекта.

Я хотел бы остановиться лишь на одной проблеме, которая в последние годы приобретает все большую остроту: Россия и Запад глазами эмигранта. Именно при рассмотрении ее более всего обнаруживаются те противоречия и изломы, которыми издавна страдает сознание образованного слоя русского общества.

Один из наиболее общих выводов, который можно сделать на основе писем, состоит в том, что в нашей жизни возможны неожиданности, которые могут быть названы "запрограммированными". В качестве примера такой неожиданности можно привести восприятие Запада нашими эмигрантами. Все мы с детства знаем навязшую в зубы истину: "Лучше там, где нас нет", — но, тем не менее, в глубине души уверенны, что лично к нам это не относится. Над нами тяготее модель: "Там, где мы, — тюрьма, за пределами — свобода." А ведь тюрьма может быть везде или, что ~~нельзя~~ то же, в нас самих, или (такое тоже бывает) ее вообще может не быть. Эта дилемма, открытая религиозной истиной, зачастую забывается даже религиозными людьми.

Во всяком случае, многие наши неохристиане в своем представлении о христианской свободе едва ли не ограничивались основными пунктами "Декларации прав человека". Причем, по их представлениям, свобода эта могла быть достигнута простым перемещением в пространстве.

Я не хочу сказать, что данная схема полностью владела сознанием автора опубликованных здесь писем; но все же контуры ее явственно проступают в отношении Т. Горичевой к проблеме эмиграции. (По крайней мере, в 1-их письмах).

Читая эти письма, мы видим, как медленно и мучительно освобождается она от этой вымышленной конструкции. Мы становимся свидетелями того, как, продираясь сквозь заросли идеологизмов (плотной стеной окружающих всех нас), человек возвращается у своему собственному "я", обретает духовную Родину, правда, очень мучительным путем утраты родины физической.

Поразительно, но подавляющее большинство людей почти

занимая всю жизнь проводит в разлуке с самим собой; и только какие-то экстраординарные обстоятельства: болезнь, тюрьма, несчастный случай, эмиграция и т.п., способны заставить нас вырваться из кокона надуманных идей и навязанных привычек.

Будучи человеком европейски образованным, Горичева уезжала на Запад со своей "Европой в душе". В первое время она воспринимала в ней, прежде всего, не реальность, а свои собственные "ожившие воспоминания". А они, свободные от налета повседневности, естественно ярче и красивее того, с чем можно столкнуться в жизни. И все же, религиозный опыт не дает возможности полностью поддаться эйфории, и уже в первых письмах встречается утверждение, что, несмотря на перемещение в "новый мир", в жизни, по сути, ничего не изменилось. Преимущество Горичевой перед многими нашими эмигрантами именно в этой "трезвости", которая и помогает ей лучше справиться с проблемой адаптации.

Правда, в первых письмах еще чувствуется вполне, впрочем, естественное "головокружение от успехов". Еще бы: колоссальная пресса, контакты с самыми выдающимися людьми Европы и даже "понимание, которое и в России редко встретишь". Хотя уже и в это время — ощущение трудностей, связанных с ассимиляцией: ("Fern — далекий") отсутствия душевного общения. Правда, надежда на него еще не утрачена, лучшее — впереди: Франкфурт, иезуиты, кстати, реконструируемые также "по воспоминаниям"...

Впрочем, очень скоро монолитно-восторженное восприятие Запада начинает "расслаиваться". С одной стороны, — восхищение иезуитской профессурой, с другой — студенты "похожи на советских". Католическая молодежь вызывает ассоциацию с комсомольцами 20-х гг., "и вместе с тем... есть удивительные католики!" Той же двойственностью отличаются и суждения о зарубежной русской церкви.

Уже с первых писем мы сталкиваемся с отчетливо-негативным восприятием русских "эмигрантов первой волны", которое, по мере адаптации к европейской жизни, не только не будет ослабевать, но, напротив, все более усиливаться. Главная

претензия к старой эмиграции состоит в том, что она "выдумывает Русь", сочиняет некую складную идею, полностью вытесняющую из их сознания реально существующую Россию.

Но разве свободна от этого порока русская эмиграция вообще, да и не только эмиграция? Горичева, живя здесь "выдумывала" для себя Европу, а, попав туда, сама того не замечая, начинает исподволь подставлять на место покинутой России, некий идеальный ее образ. И это почти неизбежно, ибо объясняется не сознательным искажением реальности, а самим механизмом памяти.

В воспоминаниях наших совмещаются два противоположные временные поляса: мы принимаем в них за прошлое то, к чему стремимся в будущем. Наши воспоминания, в каком-то смысле, — это всегда "воспоминания о будущем". Этот выход из "здесь и теперь" является нашим общим онтологическим грехом. И.б., мы так скрываемся от сатаны, но и от Бога тоже. Только подлинно религиозному сознанию открывается спасительное значение реальности.

С реальностью Горичеву связывает, прежде всего, беспрепятственная, усиленная, почти на износ работа. ("Как хорошо здесь работается!"). Отсюда, естественно, — дифирамбы тем, кто способен превратить свою жизнь в неустанный, непрерывный труд — иезуитской профессуре. И вот выясняется, что эти блестящие "ученые мужи" жизни не видят, и богословие их "слишком рационально", лишено духовного, мистического напряжения. Т.е. происходит новый выпад из реальности, но уже в сторону интеллектуального абстрагирования. Очень быстро падают так же акции западных студентов: "Экзистенциально они на уровне советских пятиклассников". Объясняется это отсутствием опыта страданий.

Но вот завершился первый круг западноевропейского опыта Т.Горичевой. Франкфурт отвергнут, и все аксессуары "западноевропейской идеи" теперь фокусируются в образе Парижа: "в Париже будет как раз то, что надо: Россия плюс Запад". И, главное, "Париж такой свой". Здесь, пожалуй, критическая точка: Европа уже начала демифологизироваться, а Россия — понемногу приобретает черты социально-исторического мифа. Точка неустойчивого равновесия, после которой европейский

миф начнет стремительно падать, и, естественно (по закону качелей), последует взлет мифа Российского: на Западе господствует "спекуляция идеями, а не жизнь ими", "наша жизнь — пример". И тут же: почему бы не использовать свою роль "русской гонимой христианки" для "пользы истории", не "использовать интерес к религиозному возрождению в России?"

В статьях, опубликованных там, Т.Горичева утверждает: "Россия просыпается от сна и познает Бога", "Религиозное возрождение самое массовое явление в современной России".^{х)} Она явно выдает желаемое за действительное. Во всяком случае, не приводятся какие-либо факты, позволяющие делать такие широковещательные заявления. Эти утверждения примерно такого же типа, как например, заявление Н.Малаховской — активистки "христианского феминизма", — что в СССР 90% мужчин — алкоголики. (Очень интересный эффект оба эти утверждения могут произвести, будучи сведены вместе). В данном случае мы имеем яркий пример того, что получается, если какое-то явление начинают "использовать".

Да существует ли на самом деле тот "религиозный опыт", которым мы можем поделиться с Западом? Сатана — "отец всякой лжи", в том числе и той, которая произносится "к вящей славе Господней". И, прибегая к ней, мы не только рискуем своей душой, но и других вводим в заблуждение. Ведь рано или поздно истина обнаружится: дерево узнается по плоду. А где они — наши плоды! Их почти не видно. А жертвы есть. И не только праведные, есть те, кто оказался в плену ложных, псевдорелигиозных идей. Под их влиянием в 70-е гг. то и дело появлялись всевозможные "пророки", "аскеты", "подвижники". Пресловутая "соборная личность", — тип которой сложился в этот период, как правило, — неряшливо скроенная кукла из, Бог весть, откуда надерганных лоскутков. Да и все наше новохристианство лишь в редких случаях достойно внимания, но ни как явление, которое вообще имеет в своей основе мало религиозного. Но даже в таком виде о явлении следует говорить сейчас в прошедшем времени.

х) Т.Горичева "О нашем религиозном опыте".

Письма Т.Г. — яркий пример мифологизирующего сознания, сознания, столь свойственного именно нашим соотечественникам. Причем, порождающая способность мифологизирующего сознания почти беспредельна. Живя здесь, на все лады эмигранты утверждали: "Жизнь в России — это ад! Запад — это свобода!" Теперь же Россия оказалась раем, а в Европе: "Жизнь роскошества... живешь будто в тюрьме, в ссылке." Да не носим ли мы эту тюрьму в самих себе?

Плохо то, что искажается реальная картина и Запада, и России. Правда, Горичева (в отличие, скажем, от Лимонова и Синявина) не утрачивает полностью контроль над механизмом своей памяти. Она понимает, что привносит в воспоминания субъективный момент: "Ленинград все более и д е а л и з и р у е т с я (курсив мой — Е.П.) от этой новой перспективы". Несколько дальше мы читаем: "жизнь напоминает кривое зеркало". А, может быть, что-то искривлено в самом нашем восприятии? Может быть, картина жизни получает искаженное преломление, проходя через оптику наших иллюзий, наших предвзятых идей? Ведь если бы мы не видумывали Европу, живя в России, а, приехав на Запад, не пытались "использовать" искусственные реконструкции русской действительности, то, может быть, жизнь не была бы "кривым зеркалом". Не получаем ли мы "в самих себе возмездие за свое заблуждение"? /Рим 1,27/. Разве не "детский сад" обижаться на действительность за то, что она не такая, как нам хочется? "Никто тебя не слышит... Они умеют слышать только лозунги". А у нас чуть ли не прозвонная идносинергия к ним. Как же с ней жить в этом мире? Да, именно со свободой "все проблемы и начинаются" (Ф.Светлов).

Первая русская эмиграция уже скоро 70 лет на свободе, а ей это (если верить автору пасем) не дало ничего, кроме постыдного обивательского прозябания. "Свобода совести" обернулась для западной церкви (опять же по словам Горичевой) полным падением духовной жизни, "наивностью и бесплодием", пошлостью и глупостью как священства, так и прихожан. Еще в большей степени эти черты отличают русскую церковь на Западе. В таком случае, действительно, хочется спросить вместе с И.Синявиным: "за что мы боролись?" К чему мы стремились? Не пора ли сдержать свой бег, оглядеться, подумать?

Не насмехся ли мы к обрыву, как стадо свиней из евангельской притчи, в то время, как под нашими ногами, и.б., роскошное пастбище.

Ведь пишет же Горичева, что "Св. Дух избрал и сделал центром духовного мира Москву и Ленинград, Печоры и Загорск?" Горичева абсолютно уверена в пиетете европейского человека к Святой Руси. Не надо быть слишком богословски просвещенным человеком, чтобы понимать, что "Святая Русь" ни что иное, как довольно примитивная идеология. А к чему может привести увлечение этой идеологией, Горичева сама иллюстрирует примером первой эмиграции и РХСД. Противоположная ей религиозная идеология (идеологиям свойственно образовывать нары) — христианство "на их манер": левое, марксистского толка. Так, форум ВСД, например, напоминает Горичевой комсомольский митинг. Но разве наши неопиты не вызывают подобную же ассоциацию? — Наивная апокалиптика, нетерпимость к "неправославным", стремление заменить рухнувшего идеологического кумира другим. Устами мы исповедуем Христа, а в душе, зачастую, остаемся идолопоклонниками.

Содержится аргумент в пользу истинности нашего исповедания. Ведь сама Матерь Божия в течение уже нескольких лет, "каждодневно" являясь югославским детям, говорит, "что в России будет более, чем где-либо, прославлен Бог". Не подвергая сомнению истинность этих явлений, я хотел бы предостеречь от рационалистически-плоского их восприятия. Слова Богородицы есть тайна, подобная тем, которые сообщал своим последователям Св. Апостол Павел: "Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, что бы вы не мечтали о себе, — и так весь Израиль спасется..." /Рим. 11.25,26/; "Говорю вам тайну: не все умрем, но все изменимся..." /1 Кор. 15,51/.

Сообщение тайны — это пророчество о грядущем чуде Божиим, но никак не о делах человеческих. Откровение ни в коем случае не должно стать поводом для "мечтания о себе". В словах Богородицы не содержится абсолютно никакого основания для нашего превозношения перед Западом. Скорее наоборот: только осознание своего недостойнства и смирение может служить почвой, на которой Господь явит славу Свою.

